

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣшниковова, Щенкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комп.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ
съ доставкою. 4 .
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 .
Съ пересылкою въ города. . . 5 .

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНИЕ: «Ужь почь давно».... Стих. К. И. Бабикова. — Московская Травіата. Повѣсть С. П. К — на. — Разказы отставнаго същика Г. — Страхъ-Уличитель. (Рис. А. Тверскаго.) — Цвѣтокъ Всемирной Поэзіи. (Рис. А. И. Чередѣва.) — Городская Хроника. Не Я. — Попробуйте-ка поискать мѣстечка (политипажи).

* *

Ужь почь давно. Любовница Кеэала
Блестить съ небесъ надъ розой темно-алой;
И пышный лавръ, и желтый апельсинъ
Какъ будто спятъ. Далекихъ горъ вершинъ
Я вижу абрисы... Какъ небо чудо сине!...
Но скучно мнѣ! Далекія пустыни
Роднаго Сѣвера—и выюги, и снѣга,
А лѣтомъ шумъ березъ, да на поляхъ стога
Изъ золотистой ржи, да ароматы сѣна,
Да горныхъ рѣкъ бѣлющая пѣна,
Деревни мирныя и сѣрый цвѣтъ небесъ,
Поля просторныя, — за ними синій лѣсъ,
Гдѣ сосны, да дубнякъ, да пышныя березы —
Милѣ мнѣ, чѣмъ лиліи и розы!...
Душа болитъ!... Я все отдать бы радъ
За домикъ мой, за мой тѣнистый садъ!...

К. Бабиковъ.

МОСКОВСКАЯ ТРАВИАТА.

(Окончаніе.)

«Амянины ихъ тутъ были-съ, барынины, постомъ; только передъ этимъ ужь, видѣла я, больно они капризались на Ивана Степаныча, а онъ сидитъ, бѣдный, молчитъ,—только къ ангелу, это на канунѣ-то-съ, при-

вели они гостинцевъ, да и къ столу что — сказано, столъ будетъ—а барыни нѣтъ: въ баню поѣхали. Иванъ Степанычъ и говорятъ:

«— Скажи, я, молъ, попозднѣе заѣду, спросить, чего еще не надо ли; опять, я чай, завтра къ обѣднѣ поѣдетъ, такъ лошадь пужно.

«Барыня изъ бани, — доложила я имъ.

«— Ладно, говорить, не запирай двери на крючокъ.

«Часу какъ сказать въ двѣнадцатомъ пріѣхали Иванъ Степанычъ, прямо прошли къ барынѣ, посидѣли, поѣхали домой.

«Ночью котъ у насъ канарейку и съѣшь. Мнѣ не въ домекъ, а барыня встала, глядятъ: перья. Очень ужь они, видно, зачувствовали—канарейка любимая ихняя,—плакать. А тутъ:

«— Это все онъ, подлець, тѣмъ, что какъ почью пріѣхалъ, котъ-то и прошелъ. Я, значить, сама его выпустила, какъ ложилаь.

«Они, точно что-съ, до барина легли-съ.

«Присылаеть баринъ лошадей, къ обѣднѣ имъ, не хотѣли ѣхать. А тутъ одумались, поѣхали.

«Тутъ гости пріѣхали къ столу, — Иванъ Степанычъ пріѣзжаютъ. Пошли здоровкаться, я съ нихъ шинель снимала, барыня какъ плюнуть имъ въ лицо.

«— Я, говорить, черезъ тебя несчастье получила: вонъ!

«Смотрятъ Иванъ Степанычъ: что такое? Гости, такъ и тѣ всѣ приканфузимшись.

«— Я, говорить, теперь безъ канарейки. Все, говорить, ты проклятый полуношникъ: черезъ тебя и котъ, значить, вошелъ.

«— Я, говорить, тебѣ, мой другъ, сейчасъ поѣду куплю канарейку; хочешь, говорить, десять куплю.

«Зато пала, зато пала.

«— Подлецъ ты, говорить, и все тутъ. Потому, я женщина, и всей-то отрады была у меня канарейка: голосъ мой знала. Бывало: «Фединька!»,—летить на палецъ.

«А Ивана-то Степаныча ногой-то, ногой-то.

«Ну а такъ сказать, сударь, что въ ней въ этой канарейкѣ? Пустая самая птица, не то, чтобы, напимѣръ, попугай или пѣтухъ.

«И жалко мнѣ барина, вотъ какъ жалко!

«Тутъ изъ гостей стали говорить Юлія Петровнѣ: что, молъ, найдется и не такая канарейка; ужъ всегда баринъ купятъ-съ. Они бы хоть и сейчасъ ради ѣхать. Нешто мы не знаемъ?

«— Гдѣ, говорить, онъ, такой-сякой, эдакую добудеть? Мнѣ, говорить, когда такъ, эту самую подай!

«А ее какъ подашь?

«Да вотъ какъ зазлись: инда зубы оскалили; эго истиннымъ Богомъ: я допреждъ того и не видывала.

«Постоялъ, постоялъ голубчикъ Иванъ Степанычъ,—уѣхалъ, и лица-то на немъ нѣтъ.

«На завтра опять пріѣхалъ, и хоть бы онъ ей слово — не то что дурное. Господинъ!...

«Тутъ въ скорости, вышли ли у нихъ какая причина, нѣтъ да нѣтъ Ивана Степаныча. Какъ вечеромъ были, поздно ужъ, уѣхали: понче нѣтъ, завтра нѣтъ, недѣлю нѣтъ и двѣ нѣтъ. Я ужъ и сама подумала. Барыня ни слова. Дома все сидятъ. Ну и время такое—постъ; кому тутъ и быть.

«Святая пришла. Нѣтъ нашего Ивана Степаныча. Я признаться, сама хотѣла провѣдать:—прознаетъ, подумаю, барыня, а имъ можетъ не желательно,—такъ и не пошла.

«Ну тутъ купчикъ одного имъ привезли: какъ есть дитя, а на счетъ выпивки, такъ это хошь съ утра до ночи. И добрые они, ну только какъ есть безобразники. Рѣдко когда чтобы не шатался. Ужъ, бывало, и барыня, на что ко всему привышны:

«— Эдакій ты, говорить, пьянчужка, Митя, погляжу я на тебя.

«Душа, сударь, мягкая. Не мало тоже потаскали они къ намъ.

«Только, разъ, поѣхали барыня съ утра въ Сокольники, сказали, къ нимъ-съ, ночью пріѣзжаютъ они съ пріятелемъ съ однимъ.

«— Гдѣ, говорить, Юлія Петровна?

«— Они, молъ, къ вамъ поѣхали.

«— Ну, мы, говорить, подождемъ.

«Послали меня за мадерой. Непремѣнно чтобы до-стать.

«Привезла я мадеру-съ. Гляжу: барыня съ Иваномъ Степанычемъ. У меня инда сердце юкнуло.

«— Знать, говорить, тебя не хочу, безобразника! барыня на купческаго-то.

«Ну только, какъ они стали очень просить, вышли въ другую комнату, — Иванъ Степанычъ ушли, стояли, стояли, сердешный, въ переулкѣ за угломъ-то — день ужъ какъ есть: часъ шестой—не дождались, уѣхали.

«Днемъ ужъ, часу какъ сказать въ первомъ, пріѣзжаютъ Иванъ Степанычъ.

«— Гдѣ жъ, молъ, барыня!

«А барыня часу въ десятомъ уѣхала. Тѣ впередъ поѣхали, карету прислали, барыня съѣли да и поѣхали.

«Докладываю я Иванъ Степанычу.

«— Дай, говорить, Маринушка, бумажки мнѣ.

«Вынули карандашикъ. Стали писать-съ.

«Смотрю я на нихъ,—что сказать, не знаю.

«— Отдай, говорить, ей.

«— Что жъ вы, молъ, батюшка, не пожалуете къ намъ? А я-то, молъ, зарадовалась.

«— Видно, говорить, незачѣмъ.

«Тутъ въ скорости опять барыня. Что вошла:

«— Былъ, говорить, Иванъ Степанычъ?

«— Былъ, говорю, сударыня.

«— Что сказалъ?

«— Записку, молъ, написали.

«— Подай сюда.

«Взяли сами написали записку.

«— Возьми, говорить, карету, ступай до нихъ.

«Пріѣзжаю я. Они дома-съ. Съѣли со мной ту жъ минуту. Эдакъ, кажется, обрадовались.

«Какъ пріѣхали мы, кинулись они на барыню —цѣловать-съ, да такъ вотъ и замерли! На что я простой человекъ, ну такъ тебя и воротить.

«Часа съ три они съ Юліей Петровной на галдареѣ просидѣли на окошечкѣ—галдарея такая у насъ была-съ. Ровно голубочки-съ.

«— Спой-ты, говорить, мнѣ по морю-то.

«И пѣли они имъ-съ.

«Прохожу я.

«— Жизни, говорить, не жалко!—Иванъ-то Степанычъ. У Марины скатилась слеза. Она продолжала:

— Ну тутъ сначала-то опять эдакая сладость пошла. Ни чтобы барыня куда безъ Ивана Степаныча; все вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Онъ такой веселый, все шутятъ-съ, —барыня тоже веселая. Ваню имъ привезли-съ. «Слава тебѣ, Господи, думаю: наладились мои господа. Будетъ, значить, и мнѣ хорошо». Пріѣдутъ Иванъ Степанычъ, то ужъ первое слово:

«— Чаю хочешь, Ваня?»

«И ставь, значить, самоваръ,—какъ они вина не потребляютъ-сь.»

«А допреждь, вѣдь, бывало, ежели барыня откушали чай-сь, Ивану Степанычу нѣтъ чаю-сь. Онъ, голубчикъ, и не спрашиваетъ—потому добросердый.»

«Анъ повадилса къ намъ Дьячковъ этотъ проклятый: чиновникъ что ли какой, офицеръ ли, одѣтъ онъ, сударь, въ сертучкѣ ровно что вотъ по хлѣбной-то части треплются—мисаріятскіе что ли, слыхала я. Да Полька эта изъ Жидовокъ, Питалина Петровна, ему руку держать,—моя-то опять въ лѣсъ. Я бы ее ужь сама рада за горло схватить. Сказать Ивану Степанычу, не сказать—ума не приложу.»

«Поѣхали вечеромъ барыня съ Иваномъ Степанычемъ, за городъ, знать, вернулись, Иванъ-то Степанычъ не вышли, а Дьячковъ-то тутъ. Утро: нѣтъ Ивана Степаныча. Вечеромъ опять тотъ, значить, пріѣхалъ. А барыня меня послали къ Ивану Степанычу.»

«— Скажи, молю, не могу я у нихъ быть: за городъ, молю, поѣхали.»

«Только я Ивана Степаныча дома не захватила.»

«Ночью, часу въ двѣнадцатомъ, пріѣзжаютъ Иванъ Степанычъ, постучали меня. Вышла я на улицу.»

«— Гдѣ, говорить, барыня?»

«— За городъ, молю, сударь, уѣхали.»

«А какое тебѣ за городъ? Дома они съ Дьячковымъ.»

«Ну, тутъ еще бы крошечку, сказала бы я имъ. Моченьки моей нѣтъ.»

«— Скажи, говорить, грѣшно ей.»

«— Оченно мнѣ, молю, васъ, батюшка, жалко, Иванъ Степанычъ! Какъ вы по нихъ сокрушаетесь,—изстрадались не путемъ.»

«Махнулъ онъ только рукой, сѣлъ—поѣхалъ.»

«На другой-то день присылаютъ кучера—Пимена-сь съ запиской. Ужъ и кучеръ-то говорить:

«— Вовсе намъ, говорить, барина жалко. Нестоющая, говорить.»

«Сказать тоже не смѣютъ.»

«Юлія Петровна съ Пименомъ письмо послали,—опять, значить, съ недѣлю, али поменьше, нѣтъ Ивана Степаныча.»

«Тутъ кличутъ меня.»

«— На, говорить, Марина, отвези Ивану Степанычу записку.»

«Не пойму я ужъ ничего тутъ. Вошла я къ Ивану Степанычу. Они пишутъ-сь. Подала записку. Въ лицѣ покраснѣли:

«— Что, говорить, еще такое.»

«Записку прочли.»

«— Скажи, говорить, барынѣ, ежели оченно нужно что-нибудь, сейчасъ буду,— не то, говорить, вечеромъ

за ними лошадь пришлю. Только, чтобъ не было у васъ ни души.»

«Я домой. Опять послали, чтобы сейчасъ былъ.»

«Пріѣхалъ Иванъ Степанычъ,—только тутъ безъ меня проклятая эта Питалина Петровна пришла.»

«Ну однако стали опять Иванъ Степанычъ ѣздить, а Дьячковъ-отъ уѣхалъ что ли куда—не видать его какъ съ полмѣсяца.»

«Переѣхали мы тутъ на новую квартиру, по близости къ Ивану Степанычу, у фантала-сь, гдѣ Собачья площадка.»

«Опять, значить, гляжу—Дьячковъ.»

«Такъ вотъ, сударь, какъ. Сидятъ они вмѣстѣ у насъ, Дьячковъ-отъ съ Иваномъ Степанычемъ,—выйдутъ вмѣстѣ вечеромъ. Барыня запретса отъ меня-то-сь, отъ кухни, а въ парадный Дьячкова-то и впускаютъ. Подаю я утромъ самоваръ, а онъ будто входитъ—рожа не мытая, красная какъ есть, здоровкается. Потому, онъ меня прежде и не впускаютъ, покуда онъ не одѣнется.»

«Эдакая, думаю, ты ужъ безстыжая. И меня-то совсѣмъ за дуру дѣлаешь.»

«А тутъ подумала: можетъ, Иванъ Степанычъ и знаютъ. Ну какъ компанію водятъ вмѣстѣ. Мало того, кушанье намъ отъ нихъ все носили, кухарку барыня прогнали—жретъ, вѣдь, онъ тутъ, Дьячковъ все ихнее.»

«Ну нѣтъ. Вышла мнѣ статья-то на ладонкѣ. Сидѣли опять оба. Пошли, поздно ужъ, распростимшись. Той же минуте, какъ вотъ черезъ улицу не перейти, Юлія Петровна опять Дьячкова впускаютъ. «Врешь, вижу, не чисто: зачѣмъ бы имъ лукавить, когда бъ Иванъ Степанычъ знали.»

«Скажу да скажу. «Не мало и то ужъ я за тебя лгала». Спать мнѣ не даетъ. Иванъ-то Степанычъ, видимое дѣло, жизнь кладетъ.»

«Приноситъ человѣкъ ихній кушанье. Господи благослови!»

«Сказываю я ему.»

«— Такъ и тахъ, молю, Никаноръ Иванычъ, вы своему барину упредите, какъ вы при нихъ находитесь. А я и сѣма здѣсь жить не желаю. Изныла моя душенька, на барина-то глядя. Чувствуешь, вѣдь.»

«Человѣкъ такой умный-сь, Никаноръ-то Иванычъ, сами изволите знать, барина бережетъ. Нахмурился.»

«— Нешто мы, говорить, Марина, не мекаемъ. Баринъ-отъ, говорить, больно простъ у насъ. Всѣ мы его жалѣемъ. Изъ него, говорить, всякая шельма веревки вьетъ, особенно ежели покрасивѣй. Онъ, говорить, отъ вашей-то, прости Господи, и здоровьемъ-то плохъ сталъ совсѣмъ. Нешто онъ такой былъ? я, говорить, при баринѣ-то девятый годъ. Козырь, говорить, былъ изо всѣхъ господъ,— и въ полку-то,— ты спроси. А теперь что? Отъ насъ лѣкарь-то не выходитъ. По но-

чамъ не спимъ. Я ужь, говорить, его знаю. Не спросту. Можетъ, она что надъ нимъ и сдѣлала, окаинная.

«Это, вѣдь, точно что, бываетъ-сь. Дѣлають.

«— Ну а я, говорить Никаноръ-то Иванычъ, барину скажу. Буди ихъ воля надо мной. Пусть сами доглядятъ. Денегъ не жалко — ихъ-то очень жалко. Пропадаетъ у насъ баринъ изъ-за нее. Неужто, говорить, только и свѣту въ огнѣ?

«Сказали Никаноръ Иванычъ барину.

«Такъ, послѣ сказывалъ онъ мнѣ, Иванъ-то Степанычъ какъ полотно сталъ бѣлый; за столъ схватился.

«— А то бы, говорить, и на стулѣ ему не усидѣть.

«— Смотри, говорить, Никаноръ — Иванъ-то Степанычъ — ежели жь ты мнѣ солгалъ, ну сдѣлаю я надъ тобой такую строгость — не приведи Господи! Не вводи ты меня лучше, старый, въ грѣхъ.

«— Есть, говорить, воля ваша господская, какъ вы намъ господинъ, — а вы извольте послать за Мариной, извольте спросить ее.

«Прибѣжалъ онъ за мной. Барыня почивали, запершись.

«— Такъ ли, говорить, Марина—Иванъ-то Степанычъ, что Никаноръ говорить?

«— Такъ, молъ, сударь, истинно. Я и допрежде хотѣла вамъ доложить, ну не смѣла, значить.

«Тутъ ужь я имъ все сказала—до капельки.

«— И часто, говорить, онъ у васъ остается?

«— Васъ нѣтъ, значить, ужь тутъ.

«— А теперь у васъ?

«— Этого не могу знать-сь. Барыня отъ себя запершись. Можетъ, въ парадный и пустили. А только, какъ, послѣ кушанья, легли, приказали, ежели вы, молъ, сударь, изволите быть, «такъ, говорить, скажи, до ночи я не буду поздно».

«— Стало, говорить, ее сегодня же и можно накрыть?

«— Не мудрено, говорю, и сегодня. А не то, завтра, а нѣтъ, на недѣль когда, я дамъ знать повѣрше-сь.

«— Глупая ты, говорить, завтра?! Ты на меня гляди...

А она: завтра!

«Сами ровно какъ мертвые. Никаноръ стоитъ.

«— Напрасно, сударь, изволите безнокоить. Ужъ таперича не уйдетъ.

«— Старъ ты, говорить баринъ-отъ, Никаноръ, а ничего, посмотрю я, не понимаешь. Ладно, говорить, Марина, ступай.

«Прихожу я домой. Моя встала. Чаю спросили. Дьячковъ тутъ.

«— Были, говорить, Ивапъ Степанычъ? спрашиваетъ,

«— Не были, молъ, сударыня.

«Покушали рано, Дьячковъ все тутъ. Ушелъ, значить, при мнѣ. Барыня мнѣ приказали спать ложиться. сами отъ спальни заперлись.

«Я ужь и сплю,—свѣтъ мнѣ въ глаза, Дьячковъ какъ есть неодѣтый, а барыня имъ, сама въ сорочкѣ, платье подаютъ. Я сразу и не пойму резона. Ну только онъ испужался, не въ себѣ весь.

«— Иванъ Степанычъ, говорить.

«Вотъ, думаю, когда тебѣ пришлось къ расчету, подлецу эдакому!»

«Иванъ-то Степанычъ, выходитъ, съ людьми пришли-сь. У воротъ-то, значить, людей поставили, а сами въ парадный-то стучатся. Она его въ кухню-то выпустила, Дьяčkова-то, а Ивану Степанычу пошла отпирать.

«Баринъ вошелъ. Прошли всѣ комнаты. Мнѣ ужь они на дворѣ попались. А Дьячковъ кинулся къ воротамъ, отперъ калитку, увидалъ, знать, людей,—назадъ. Дворъ у насъ большущій. Всякое строеніе-сь. Есть гдѣ спрятаться. Иванъ Степанычъ искать. Вхожу я въ кухню-сь, — барыня мнѣ:

«— Авось, молъ, ушелъ, а не то на дворѣ-то ему и не найти.

«Нѣтъ, думаю, врядъ ли: не съ тѣмъ пришелъ. Мало онъ тебя кормилъ, — ты все въ лѣсъ смотришь: пора и пойматься».

«Ищеть, ищеть Иванъ Степанычъ.

«Стали посередъ двора:

«— Выйдите, говорить, господинъ Дьячковъ; я, молъ, вамъ ничего не сдѣлаю.

«Барыня стоятъ на крыльцѣ на заднемъ.

«— Что, говорить, взялъ? Взбрешится тебѣ, говорить, сумасшедшему...

«Да ихъ же и почли ругать.

«Только Ивапъ Степанычъ ей:

«— Скажите вы, говорить, господину Дьячкову, пусть выйдетъ. Я, говорить, ихъ желаю поблагодарить, а больше ничего и не будетъ-сь.

«Тутъ жильцовскій человекъ, какъ Ивапа-то Степаныча они тоже всѣ любили-сь:

«— Вамъ, сударь, говорить, не видать, я, молъ, вамъ фонарь подамъ.

«Принесъ фонарь. Пошли они къ забору-сь. Ведутъ Дьяčkова въ покои. А тутъ, гляжу, и ушли,—ничего не сказали-сь.

«И тотъ, значить, сейчасъ домой. Бойся, опять придуть.

«Имъ бы хотъ связать его, Ивану-то Степанычу, да въ сибирку на почку. Когда ты прячешься по почамъ на чужомъ дворѣ, значить, недобрый человекъ.

«Барыня мнѣ:

«— Кто бы это сказалъ? кто бы это сказалъ? Ему бы, молъ, ни во вѣкъ въ посѣ не ушибло.

«— Ну а вамъ-то, молъ, сударыня, что они сказали?

«— Ничего, говорить, не сказалъ. Только поблагодарилъ Дьяčkова.

«На утро-то я прихожу къ Ивану Степанычу, — они и вовсе больны.

«Пришла я домой. Таково мнѣ на нее противно—горюшка ей мало: чувствія-то, значить, нѣтъ. И хлѣба-соли не помнить.

«— Пожалуйте, говорю, мнѣ, сударыня, расчетъ-сь.

«— Что жь это, говоритъ, не хочешь ты у меня жить? Мнѣ это очень неприятно.

«— Не желаю, моль, сударыня.

«— Это ты, говоритъ, Ивану Степанычу сказала.

«А я:

«— Сколько, моль, сударыня, вору ни воровать, все надо попасться.

«— Однакожъ, ты, говоритъ, отвѣчать умѣешь.

«Только всего и сказала-сь.

«Дали они мнѣ расчетъ-сь. Зашла, я къ Ивану Степанычу, проститься думала, да насчетъ мѣста случай бы какой. Они мнѣ приказали остаться.

«А тутъ какъ все хуже да хуже.

«Говорятъ мнѣ разъ баринъ:

«— Мало мы, видно, съ тобой, Маринушка, пожли.

«— Воля, говорю, Господня, батюшка Иванъ Степанычъ.

«Хуже да хуже, такъ вотъ до вашего прѣзду-сь.

«Царство небесное!

«А все, я такъ думаю, Полька ли Жидовка ли, Пятилина Петровна-сь... Змѣя!..»

Марина кончила, въ знакъ чего вскочила со стула, будто по приказу или отъ пружины.

— Гдѣ жь она теперь живетъ, Юлія-то Петровна? спросилъ я.

— Узнать можно-сь: они съ этой-то квартиры съѣхали. Хозяйка согнала. Такая тебѣ у нихъ, сказывали, на дворѣ-то брань пошла. Хозяйка говоритъ: «я не желаю, чтобы домъ мой таковъ былъ.» А Юлія Петровна имъ на оборотъ-сь.

— Такъ узнай же ты мнѣ адресъ Юліи Петровны.

— Безпрѣменно, сударь, узнаю. Только денегъ, сударь, истиннымъ Богомъ, давать не извольте. Душегубка!...

Дня черезъ три, Марина принесла мнѣ адресъ Юліи Петровны и сообщила ея настоящее имя: Юлія Петровна было *nom de guerre* этой дамы—цивилизованный обычай, перепесенный къ намъ съ запада вмѣстѣ съ водвореніемъ у насъ въ видѣ касты экзотическаго цвѣтка — камелии.

Конечно, не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Юлія Петровна, о которой рассказывала Марина, именно та Юлинька, которую разумѣлъ мой покойный пріятель: онъ самъ велѣлъ спросить о пей у Марины. Но мнѣ захотѣлось какъ можно больше доказать себѣ ея *identité*, и, увѣренный, что письмо и записки, пайденныя мною въ шкатулкѣ М — на, писаны рукою Юліи Пе-

тровны, — пусть настоящее ея имя останется тайной — я написалъ записку къ ней, въ которой просилъ ее назначить мнѣ у себя немедленное свиданіе по дѣлу, чрезвычайно для нея важному,—а отвѣчать мнѣ, хоть въ двухъ словахъ, письменно, чтобы мой посланный, по безпамятливости, не напуталъ чего.

Отвѣтъ, полученный мною отъ Юліи Петровны, былъ написанъ тѣми же гіероглифами, какъ и письма нессессера. Не возможно было такъ поддѣлать руку нарочно.

Меня просили пожаловать въ тотъ же день въ 6 часовъ.

Вооружившись шкатулкой со всѣмъ, что содержала она въ минуту кончины М — на, я отправился, признаюсь, не безъ любопытства посмотрѣть поближе на Юлію Петровну. Помимо того, что она интересовала меня какъ виновница увлеченія моего хорошаго пріятеля, который, по своей нервозности и всегда печальному при неудачахъ лиризма, нерасчетливо потратилъ на нее слишкомъ много своей энергіи и жизненныхъ силъ, — я ощущаю необъяснимое удовольствіе, когда мнѣ представляется случай познакомиться съ какою бы ни было моральною аномаліею, и я могу хоть на нѣсколько минутъ предаться ея внимательному изслѣдованію.

Когда я позвонилъ у квартиры Юліи Петровны, мнѣ отворила горничная, и сказала:

— Пожалуйте-сь.

Въ третьей комнатѣ, видно мнѣ было, сидѣла та самая красавица, на которую я столько разъ засматривался.

Да, это была она. Я не могъ не узнать ея, не смотря на густой слой бѣлилъ, которымъ, быть можетъ, Юлія Петровна сочла священнымъ долгомъ почтить мой визитъ. Но изъ этой несчастной маски свѣтились два чудные глаза, и когда Юлія Петровна встала со своего мѣста на встрѣчу мнѣ, я, глядя на ея волосы, ручку, станъ и всю фигуру, забывъ о неудачныхъ прикрасахъ кожи, и подумалъ: Дюма-сынъ посвятилъ бы тебѣ диаврамбъ; Гюго, взглянувъ на тебя, сказалъ бы что-нибудь подѣ-стать вотъ этому:

On voit tout ce que dérobe
Voile ou robe;
Dans ses yeux d'azur en feu
Son regard que rien ne voile
Est l'étoile
Qui brille au fond d'un ciel bleu!»

Повторяю, за исключеніемъ бѣлилъ, она была великолѣпна.

Юлія Петровна встала; въ то же время залаяла на меня крошечная и прескверная собачка, не знаю откуда взявшаяся.

— Молчи, Кадошка, замѣтила хозяйка, и вступила

со мной въ разговоръ посредствомъ извѣстнаго: — я очень рада съ вами познакомиться; я такъ много слышала....

Впрочемъ, не мудрено, что она и дѣйствительно слышала мою фамилію отъ М — на.

— Вы... были знакомы съ Иваномъ Степанычемъ М — нымъ, началъ я.

— Да, перебила она, очень не ловко опустивъ глаза ужъ не знаю съ какимъ умысломъ, — я очень его любила. Но онъ, знаете, былъ такой ревнивый, такого подозрительнаго характера.

— Дѣло не совсѣмъ въ томъ-съ, отвѣчалъ я, нѣсколько освободясь изъ-подъ обаянія перваго впечатлѣнія — Иванъ Степанычъ, умирая, поручилъ мнѣ отдать вамъ вотъ это.

Я подалъ ей несессеръ.

— Очень ему благодарна за память, сказала она съ худо-скрытымъ пренебреженіемъ къ вещи, съ виду не представлявшей большой цѣнности.

Мнѣ стало досадно, и я рѣшился быть неделикатнымъ.

— Не судите по наружности, сказалъ я.—Потрудитесь взглянуть внутрь.

Юлія Петровна открыла несессеръ, и, увидѣвъ серебряныя вещицы, посмотрѣла на меня съ выраженіемъ, которое громко говорило: «что жъ ты, братъ, удивить что ли насъ думаешь? мы и не такой хламъ видали.»

— Дальше-съ, продолжалъ я, отвѣчая на ея взглядъ—приподнимете это.

Въ нижнемъ мѣстечкѣ первымъ лежалъ ломбардный билетъ, сложенный, разумѣется, на изнанку. Снявъ его, она увидѣла радужныя бумажки. Опять взглянула она на меня; ей, вѣроятно, захотѣлось сосчитать ихъ, но стало совѣстно. Выраженіе глазъ, между тѣмъ, смягчилось.

— Разверните, прошу васъ, бумажку, которая у васъ въ рукѣ.

Она долго, долго всматривалась въ билетъ Опекунскаго Совѣта: съ трудомъ ли она читала, не вѣрила ли цифрѣ? я думаю, и того и другаго было по немножку. Наконецъ, вѣроятно, когда убѣжденіе совершенно дозрѣло въ пей, она взглянула на меня съ радостію, уже черезчуръ не скрытою.

— Благодарю васъ, сказала она, протягивая мнѣ руку — теперь я вполнѣ вижу, что Иванъ Степанычъ былъ благородный человекъ. Не прикажете ли шампанскаго?

Это было, безъ сомнѣнія, учтивое (и до сихъ поръ, вѣдь, весьма обычное) *на-водку* за доставленіе гостинца.

— Я не пью ни шампанскаго, ни какого другаго вина, отвѣчалъ я,—но ежели позволите, стаканъ воды...

— Чаю, по крайней мѣрѣ, предложила Юлія Петровна.—Иванъ Степанычъ все любилъ чай, прибавила она, удивительно нескромно повеселѣвъ послѣ инвентарія шкатулки.

— Пожалуй, сказалъ я,—если вы непременно хотите угостить меня.

Мнѣ было и тяжело какъ-то, и гадко на нее, и обидно за память пріятеля, что такъ недостойно потратилъ онъ свои душевныя сокровища,—но оторваться отъ Юліи Петровны мнѣ все еще не хотѣлось, какъ медику, влюбленному въ свою науку, отъ интересной болѣзни.

Она вышла распорядиться. Я, покуда, оглянуль локаль. Онъ былъ какъ многіе локалы — и нечестныхъ, и честныхъ женщинъ. Чисто, ни въ чемъ недостатка, много лишняго; въ цѣломъ отсутствіе общей мысли, пародія вкуса, претензія на комфортъ, безтолковый наборъ пустяковъ, почитаемыхъ красивыми потому, что они выставляются въ магазинахъ, пользующихся извѣстностію—столь нерѣдкимъ псевдонимомъ скандала! Разными вкладчиками храма и приносителями хлама были, безъ сомнѣнія, потрачены не малыя деньги; но это не придало стилиа храму, не увеличило цѣны хлама. Среди сброда гипсовыхъ статуэтокъ подъ бронзу, раскрашенныхъ литографій эротическаго содержанія съ французскими подписями, дорогихъ кондитерскихъ коробокъ, бракованнаго поповскаго фарфора, замысловатыхъ абажуровъ и убійственно симметрически размѣщенныхъ *chef-d'oeuvre* отъ Булей Каменнаго Моста, я увидѣлъ три мужскіе дагерротипа: генерала Икова въ отставномъ кафтанѣ, юноши въ бородѣ и другаго безъ бороды, но съ солдатскимъ Георгіемъ, — а, наконецъ, несомнѣнные слѣды моего пріятеля: четыре прекрасныя гравюры, изъ нихъ одну чуть ли не самого Вольпато, и, подъ ногами, бархатный коверъ, служившій Ивану Степанычу попоной. Вотъ бросился мнѣ въ глаза и бывший его будильникъ, только не знаю зачѣмъ онъ стоялъ въ гостиной. Будильникъ, давно мнѣ знакомый, напомнилъ мнѣ наши полковыя шалости, молодое броженіе и столько-столько изъ нашего общаго прошлаго, что мнѣ непременно захотѣлось приобрести его.

— Это часы Ивана Степаныча? спросилъ я Юлію Петровну, которая, дѣлая чай, не забывала обязанности любезной хозяйки занимать меня разговоромъ, но чрезвычайно неосторожно выставляла имъ неинтересныя свойства своего ума и воспитанія.

— Онъ мнѣ ихъ продалъ за пятнадцать цѣлковыхъ.

Съ этимъ словомъ она подала мнѣ чашку чаю.

Не знаю какъ я не уронилъ ея, но знаю, что обжогся чаемъ, чтобы проглотить его скорѣе и скорѣе выйти. Естественно, я предложилъ бы за будильникъ подарокъ по усмотрѣнію дамы.

Она, кажется, не поняла моего смущения, по поводу имени покойного, сочла приличнымъ сказать еще разъ, что она его очень любила, что она благородная женщина, что такихъ женщинъ, какъ она, и нѣтъ въ Москвѣ... я всталъ и раскланялся. Меня провожали стереотипнымъ:

— Мнѣ всегда будетъ пріятно васъ видѣть у себя.

«Особенно, еслибы я почаще являлся съ такими порученіями какъ сегодня», подумалъ я.

Покуда я надѣвалъ пальто и отыскивалъ калоши, куда-то завалившіяся въ темной прихожей, что-то шептало внутри меня:

«Лѣтъ черезъ пятокъ, о моя красавица, ежели будемъ живы и кто-нибудь изъ твоихъ Кромвеллей до тѣхъ поръ подь нетрезвый часъ не изувѣчитъ тебя за твои извороты (есть, вѣдь, руки, претяжелыя на расправу!), тебя увидятъ въ собственномъ домикѣ на Прѣснѣ или въ Замоскворѣчѣ. Полки и горки твои будутъ ломиться подь серебромъ, вышедшимъ изъ моды, а тобою пріобрѣтенномъ по закладамъ. Ежели мужа твоего приберетъ Господь, ты, законнымъ образомъ, за хлѣбъ и безчисленные пуховики, пріобрѣтешь другого, ужъ конечно, очень юнаго и изъ породы юродивыхъ, осужденныхъ весь вѣкъ свой чуть-что не ѣсть съ чьей-нибудь ложки: нишаго копѣиста или театральнаго фигуранта, парадирующаго въ свитѣ королей, а коли обуяетъ тебя и демонъ честолюбія—отставнаго штабсъ-капитана безпросыпнаго пьяницу, или идіота недоросля изъ дворянъ, малолѣтнимъ оставшагося по смерти родителей и ограбленнаго опекунами. Горекъ будетъ супругу твой хлѣбъ, жостки—твои пуховики... Можетъ быть, расплывешься ты на зависть замоскворѣцкимъ матронамъ, но во всякомъ случаѣ бѣлиться и сурмиться будешь ты еще злѣе вдесятеро... Кошекъ заведешь ты стадо, птицъ самыхъ дешевыхъ въ клѣткахъ—тѣмъ, денегъ — не мало... Позовутъ тебя крестить къ кварталничихъ, какъ почетную даму... Волною забвенія зальетъ твою безпутную Одиссею... Но ты, вѣдь, хотѣла того, о моя красавица, ты, которой Богъ далъ то, изъ-за чего умнѣйшій сходитъ съ ума, честнѣйшій продаетъ совѣсть, сынъ бѣжить отъ отца, изъ-за чего, наконецъ, цѣлый народъ десять лѣтъ осаждалъ городъ... Кто жъ тебѣ запрещалъ найти человѣка, полюбить его какъ велитъ природа, и сдѣлать счастливыми—его и себя?... Неужели изо всѣхъ, тобою встрѣченныхъ въ продолженіе твоего житейскаго плаванія, ни одинъ не умѣлъ бы оцѣнить прекрасный мраморъ и вдохнуть въ него душу живую? Быть этого не можетъ. Гадки мушны — спору нѣтъ, но не потому ли они часто гадки, что не выносимы женщины?...»

Я отворилъ дверь подъѣзда. На встрѣчу мнѣ пахнуло благоуханіями драгоценныхъ фиксатуаровъ, и вслѣдъ

за тѣмъ я очутился носъ о носъ съ господиномъ, носившимъ на лицѣ, кромѣ обыкновенныхъ принадлежностей всякаго лица и усовъ, необыкновенно щедро умащенныхъ, выраженіе того сознанія своего достоинства, которое придаетъ инымъ джентльменамъ извѣстная корпуленція и увѣренность, что въ карманѣ туго набитый бумажникъ, впрочемъ же и самъ чортъ, хоть онъ тресни не узнаетъ теперь, сколько у меня сѣдыхъ волосъ и гдѣ вставленъ митрофановскій зубъ вмѣсто родимаго.

Безъ сомнѣнія, это былъ преемникъ или одинъ изъ преемниковъ М — на, новый приноситель художествъ отъ Дарзанса и Люкэ, — вѣроятно все, судя по наружности, отставной военный фантъ 30-хъ годовъ, вкушающій плоды своихъ занятій по предмету служенія монополіи полугара.

Онъ взглянулъ на меня съ тѣмъ величавымъ пренебреженіемъ, на которое давали ему полное право и мое скромное пальто, и дрянной извощикъ, который, при выходѣ моемъ, подалъ къ подъѣзду.

Какъ вы думаете, кого напомнилъ мнѣ душистый и самоувѣренный господинъ?—Крымскаго улана Кошка, Эндиміона послѣдней казанской царевны Сююмбеки. Но вы его не знали, не видали его портрета? И я тоже. Погодите. При полномъ изданіи моихъ сочиненій, закажу портретъ крымскаго улана и помѣщу его, въ видѣ виньетки, въ концѣ этого разсказа. Поневоля тогда купите мои сочиненія: портретъ Кошка отдѣльно продаваться не будетъ.

... Однакожъ, господа, ежели встрѣтите Юлію Петровну, — вы узнаете ее менѣе по моему описанію, нежели по Кадошкѣ, убогой, отвратительной собачкѣ, которая, по словамъ московской травяты, обыкновенно ее сопровождаетъ, — помяните тогда грѣшную душу раба Божія и моего покойнаго пріятеля Ивана Степаныча М — па...

Сентябрь.
1859.

С. К — нъ.

РАЗСКАЗЫ ОТСТАВНАГО СЫЩИКА *).

«Въ продолженіе моей почти двадцатилѣтней службы въ губернскомъ городѣ М*, мнѣ случалось видѣть такъ много замѣчательныхъ происшествій, которыхъ главнымъ основаніемъ были продѣлки мошенниковъ разнаго рода, что я, припоминая себѣ эти происшестія, рѣшаюсь предать ихъ печати, будучи увѣренъ, что они, кромѣ общей занимательности своего содержанія, послужатъ предостереженіемъ для неопытныхъ людей, которые легко могутъ быть обмануты подобными промышленни-

*) Подъ этимъ названіемъ редакція «Развлеченія» представитъ своимъ читателямъ цѣлый рядъ подобныхъ разсказовъ, весьма разнообразныхъ и занимательныхъ по своему содержанію. *Ред.*

ками. — Не будучи литераторомъ, прошу читателей не искать литераурнаго достоинства въ моихъ простыхъ, безыскусственныхъ разсказахъ: описывая событія, которыхъ я былъ свидѣтелемъ на вѣку своемъ, я не считалъ за нужное украшать ихъ какимъ-нибудь вымысломъ.»

I.

Въ началѣ службы моей поручено мнѣ было отъ г. начальника губерніи отыскать и представить къ нему экономическую крестьянскую дѣвку, по имени Анну, любовницу, одного преступника, который убилъ двухъ сестеръ, хлыстовокъ, и похитилъ у нихъ значительный капиталъ, состоявшій въ наличныхъ деньгахъ и билетахъ сохранный казны на сумму, превышающую миллионъ.

Дѣвка эта, какъ объясняли лица, сопркосновенныя къ дѣлу, имѣла у себя два ломбардные билета, вѣренныя ей преступникомъ на сохраненіе, — но на какую сумму, и откуда именно была эта дѣвка, никто изъ нихъ не зналъ этого. Имъ извѣстно было только, что она, предъ совершеніемъ преступленія, проживала на старообрядческомъ кладбищѣ въ числѣ читалокъ, откуда, во время дѣйствій и мѣръ, принимаемыхъ мѣстною полиціею къ отысканію похищеннаго, неизвѣстно куда скрылась.

Розыскъ этотъ былъ до крайности затруднителенъ, потому что дѣвка эта не имѣла ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ; а на самомъ кладбищѣ разузнать о ней было невозможно, потому что каждое находящееся тамъ лицо, какъ бы оно ни было преступно, ограждается отъ всякихъ поисковъ однимъ отзывомъ: «мы не знаемъ», какъ бы въ подтвержденіе русской пословицы: «зпайка по дорогѣ бѣжить, а непзайка дома сидитъ.»

Болѣе недѣли розыски прошли безъ всякаго успѣха; наконецъ узнали, что эта Анна приходитъ ипогда почевать въ одну изъ странопріимныхъ гостиницъ мужскаго монастыря, отъ котораго всѣмъ, приходящимъ въ нее для ночлега, дозволено пользоваться безвозмездно хлѣбомъ и квасомъ.

На сколько указаніе это было справедливо, того объяснить невозможно, потому что при постоянномъ наблюденіи въ продолженіе двухъ недѣль, Анна въ ту гостиницу не приходила, и мѣсто ея пребыванія оставалось непрежнему совершенно неизвѣстнымъ.

Однажды, часу въ шестомъ утра, возвращаясь домой со тщетнаго поджиданія Анны, я зашелъ напиться чаю въ харчевню, находящуюся близъ заставы. Велѣдъ за мною вошелъ туда неизвѣстный мнѣ человекъ, лѣтъ 45-ти, кроткой и благовидной наружности, съ небольшою окладистою свѣтлорусою бородою, въ синей суконной поддевкѣ, подпоясанный шелковымъ малиновымъ кушакомъ. Онъ также приказалъ подать себѣ двѣ пары чаю. Выпивъ одну чашку, онъ заговорилъ со мною о

погодѣ, а потомъ о случившемся въ то время воровствѣ на постояломъ дворѣ, при чемъ, удивляясь смѣлости мошенниковъ, хохоталъ, какъ отлично умѣли они въ виду самого хозяина постоялаго двора увезти цѣлый возъ неотдѣланнаго сукна въ половникахъ. Послѣ этого разсуждалъ онъ о возчикахъ, безопасно и самонадѣянно ѣздящихъ по дорогамъ; наконецъ, видя, что я собираюсь уйти, онъ сказалъ мнѣ: «баринъ, не угодно ли тебѣ присѣсть ко мнѣ на чашку чая; я, вѣдь, тебя знаю, знаю даже и то, что ты понапрасну хлопочешь, отыскивая Анну. Я скажу тебѣ, что дѣвка эта въ дѣлѣ тебѣ извѣстномъ не участвовала, и если и дано ей что-нибудь, такъ будь увѣренъ, что она скорѣе умретъ, нежели объяснить что-нибудь или скажетъ правду.»

Меня удивило и заинтересовало это неожиданное объясненіе, а потому я, пользуясь его предложеніемъ тотчасъ подѣлалъ къ нему и спросилъ, почему онъ меня знаетъ и отъ кого могъ получить свѣдѣніе о моемъ дѣйствіи. — «То дѣло ужъ не секретъ, когда о немъ знаютъ двое, отвѣчалъ онъ, — а знаешь ли ты, баринъ, и можешь ли поручиться въ томъ, что все, тебѣ сказанное, истина, а не ложь, придуманная только для отвода и къ большей зачутности дѣла? Да что объ этомъ говорить! поговоримъ-ка лучше о другомъ, что поближе къ дѣлу. Только съ уговоромъ, чтобъ меня къ дѣлу, о которомъ я тебѣ буду говорить, не принуживать, и въ уликѣ, въ случаѣ неудачи, не поставлять, иначе я ото всего отпрусь, и ты можешь потерять хорошее дѣло, за которое тебѣ, пожалуй, и крестъ дадутъ.»

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

«Дѣло это заключается въ слѣдующемъ: есть одинъ химикъ, который занимается литьемъ дробн, а съ тѣмъ вмѣстѣ отлиываетъ и фальшивую монету разнаго сорта, изъ шпіатра и свинца. У него въ товариществѣ есть мужикъ дуракъ, который сбываетъ эту монету извѣстнымъ ему мелочнымъ торговцамъ, отдавая имъ каждый рубль за половинную цѣну.»

Я началъ убѣдительно просить незнакомца разсказать мнѣ все подробно. «Здѣсь нельзя, — отвѣчалъ онъ, а ступайте отсюда въ *такой-то* трактиръ и тамъ дожидаетесь меня, — я тотчасъ къ вамъ буду.»

Простившись съ нимъ, я отправился въ назначенное мѣсто, куда онъ вскорѣ и явился. Сѣвъ за столъ, онъ вынулъ изъ кармана небольшой бумажный свертокъ, и сказалъ мнѣ: «посмотрите-ка, хороша ли работа?»

Развернувъ бумагу, я увидѣлъ нѣсколько фальшивыхъ четвертаковъ стараго чекана, только что отлитыхъ.

— Хороша, — отвѣчалъ я, — и довольно отчетлива.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Страхъ-уличитель.

(Рис. А. Тверскаго).

- Гдѣ вы стоите?
 — Я... я, ваше выс....
 — Гдѣ вы стоите, спрашиваю я васъ.... На что вы похожи?
 — Виноватъ, ваше выс....
 — Гдѣ вы стоите, говорю я....
 — У вдовы Сипичкиной-съ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

«Развлечения».

Гг. Солдатенковъ и Щепкинъ какъ издатели. — Третье изданіе стихотвореній Кольцова. — Кольцовъ и Бѣлинскій. — Словечко въ память о двухъ славныхъ русскихъ силахъ. — Изъ моря литературныхъ курьезовъ. — Переводъ эстетики Гегеля, исполняемый г. Василиемъ Модестовымъ. — Ключекъ изъ программы *Калейдоскопа*. — Завидная доля русскаго юношества и излишняя скромность его новой благодѣтельницы. — Поминъ о новомъ историческомъ романѣ Р. М. Зотова. — «Гроза», драма А. Н. Островскаго, и о ея исполненіи. — Обѣдъ со жмурками. — Драматическій конфликтъ по поводу пощечины и благополучная его развязка. — Кто кого ударить... правой рукой по правому плечу, и съѣздъ, ради того, у Фрейтага. — Мой ванька. — Моя пльга стала бы рабствовать. — Кто сердятъ да не силенъ....

Вотъ, наконецъ, издатель — книгопродавецъ и книгопродавецъ — издатель, которые, сговорившись, ухитрились найти слабую струну публики, вотъ, наконецъ публика, которая умѣетъ цѣнить толковыхъ двигателей книжнаго дѣла. Передо мною одно изъ доказательствъ: третье изданіе стихотвореній Кольцова.

Честь гг. Солдатенкову и Щепкину, хвала публикѣ!

Цвѣтокъ всемірной поэзіи на всероссійской почвѣ.

(Рис. А. И. Чередыева.)

Гамлетъ, принцъ датскій.

Сочиненіе г. Шекспира.

Переводъ г. Кетчера.

Музыка г. Варламова.

Офелія. (Г-жа Хныухина-Визжицкая. *Поетъ*):

Я пойду, пойду косить
 Во зеленый лугъ, и т. д.

Гамлетъ. (Г-нъ Залихватскій. *Въ сторону*):

Съ завалинкой, а товариць отъ ляжки!...

Стихотворенія Кольцова мы получаемъ, какъ и прежде, съ статью Бѣлинскаго о жизни и сочиненіяхъ Кольцова.... Кольцовъ и Бѣлинскій! Бѣлинскій и Кольцовъ! Сколько горькихъ сожалѣній о преждевременной утратѣ двухъ прекрасныхъ силъ встаетъ въ душѣ невольно.... Но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько воспоминаній о расцвѣтѣ новѣйшей русскаго литературы, такъ еще недавно, свершившемся на нашихъ глазахъ!... Благородныя тѣни, вы вѣчно живы для насъ, вы сіяете намъ путеводными звездами, и, покуда не вымретъ въ русскомъ духѣ чувство изящнаго и способность цѣнить честный подвигъ, ваша отчизна будетъ обращаться къ вамъ съ любовью, учить дѣтей своихъ произносить ваши имена съ уваженіемъ, оглядываться на ваши скромныя могилы съ сердечною признательностію. Вамъ не воздвигнуто великолѣпныхъ памятниковъ — что за горе! И памятники опрокидываетъ буря; другіе низвергаетъ приговоръ потомка, тѣ засыпаютъ лава.... Ваши памятники не будутъ опрокинуты, не будутъ низвержены, не будутъ засыпаны: они въ сердцахъ русскаго общества, и оно передастъ ихъ, какъ одно изъ лучшихъ своихъ вѣрованій, изъ рода въ родъ.... Миръ

вамъ въ селеніяхъ надзвѣздныхъ! Молитесь, чтобы Богъ послалъ намъ другаго Бѣлинскаго, другаго Кольцова.

«Цѣлый вѣкъ я рылся
Въ тайнствахъ вселенной,
Да сѣдивъ учился
Мудрости священной.

«Всѣ вѣка бывше
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.

«Мелкія причины
Тѣпились людьми,
Карлы-властелины
Двигали мірами.

«Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну нязвергались.

«Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою,

Тамъ въ обломкахъ царство
Заростетъ травою.

«Племена другія
На нихъ поселятся;
Города большіе
Людьями разродятся.

«Сторона пустая
Снова зацарюетъ, —
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

«Подсѣку жъ я крылья
Держкому сомнѣнью,
Проклянута усилія
Къ тайнамъ Провидѣнья!

«Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу:
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу» (1).

Кажется, вѣдь, куда не хитро, и не ново, а попробуйте-ка спать такъ . . .

За симъ, признаюсь, я хотѣлъ выписать что-нибудь изъ Бѣлинскаго, но на моемъ столѣ, по несчастію, три части его сочиненій, также изданныя гг. Солдатенковымъ и Щепкинымъ. Я открылъ одну часть, потомъ другую, потомъ третью, и не знаю какъ быть: какую фразу вырвать изъ этой энергической рѣчи? чему отдать предпочтеніе въ этомъ непрерывномъ гимнѣ Истинѣ?

Три тома сочиненій Бѣлинскаго уже почти разошлись, и издатели чуть ли не приступили ко второму изданію. Позвольте мнѣ, къ слову, замѣтить здѣсь, что изданія гг. Солдатенкова и Щепкина отличаются ото всѣхъ московскихъ изданій и внѣшностію, и умѣренностію цѣны. Книжка стихотвореній Кольцова, большой инвоктаво въ 240 страницъ на хорошей бумагѣ, стоитъ 50 к. сер. Вспомните, что плачивали за «Гуака», за «Милорда Англійскаго» за Грамматики Греча, за «Выжигиныхъ». А въ бумагу, на которой эти прелести являлись на свѣтъ Божій, какая горничная рѣшится нынче припекать свои волосы, какой лавочникъ завернетъ колбасу?

Отъ изданія къ изданію, отъ книги къ книгѣ, переходъ самый естественный. Отъ Бѣлинскаго къ Гегелю также не будетъ скачка. Но я не о Гегель хочу сказать, а о вышедшемъ недавно переводѣ Гегеля, т. е. о переводѣ первой части его эстетики, исполненномъ г-мъ Василиемъ Модестовымъ. Тѣмъ меньше, какъ увидитъ читатель, будетъ скачекъ отъ оныхъ «Выжигиныхъ» и отъ лавочника.

Для чего и для кого такъ переводится Гегель какъ передълыбаются у насъ къ бенефисамъ французскіе водевили и какъ переводитъ Гегеля г. Василий Модестовъ, рѣшительно непостижимо.

Поймите что-нибудь въ этихъ фразахъ:

« . . . Такое поддержаніе своего достоинства остается чѣмъ-то пустымъ въ себѣ . . . И при всемъ томъ возвышенность, личность есть только одѣпывшая неподвижность . . . »

« . . . Стихія, въ которой скульптура осуществляетъ свои понятія, какъ мы видѣли, вполне есть матерія въ своей первоначальной формѣ, общая и простая матерія, протяженная безъ всякой частности, это суть общія измѣренія пространства, первыя формы, какія онѣ способны принять, чтобы произвести красоту. Этимъ физическимъ матеріаломъ, ихъ отвлеченной простотѣ, особенно соответствуетъ, какъ составитель основанія представленія, объективность духа, то-есть духъ, который не отделилъ еще себя ни отъ всемірной субстанции, ни отъ тѣлеснаго бытія, а слѣдовательно не обратился къ самому себѣ, не обнялъ себя во всей субъективности, который, другими словами, не имѣетъ о себѣ разумнаго сознанія . . . »

« . . . Однако гнѣвъ не квартируетъ въ желчи . . . »

Меня уверяютъ, что г. Модестовъ не въ первый разъ переводитъ Гегеля, и что на изданіи его перваго перевода было написано: *переводъ съ иностраннаго*. Какъ разгадать этотъ ребусъ, не знаю. Если г. Модестовъ хотѣлъ выразить, что онъ переводитъ съ французскаго, это не должно было облегчить ему дѣла: г. Модестовъ, очевидно, по-французски не знаетъ. Онъ пишетъ Ляме Флери: не достаточно ли?

Я представляю себѣ г. Василія Модестова бескорыстѣйшимъ изъ любителей россійской словесности, милѣйшимъ изъ литературныхъ дилеттантовъ, предпочитающимъ уничтоженіе бумаги и перьевъ игрѣ въ ералашѣ, сплетнямъ и разнымъ житейскимъ искательствамъ. Подобныя убѣжденія приносятъ несомнѣнную честь новому Катону, но г. Василій Модестовъ, кто же будетъ читать ваши переводы? Поучитесь на первый разъ хоть у г. Кетчера, вѣроятно извѣстнаго вамъ переводчика Шекспира. Г. Кетчеръ тоже переводитъ болѣею частію съ иностраннаго, но его, по крайней мѣрѣ, хоть иногда можно понять.

Не къ чему доказывать, что благочестивыя упражненія г. Василія Модестова надъ Гегелемъ изданы не гг. Солдатенковымъ и Щепкинымъ. Явленію своему въ печати онъ одолженъ В. Ф. Окорокову. Мнѣ чрезвычайно пріятно познакомиться съ г. Окороковымъ. Покорнѣйше прошу его не отказаться и на будущее время доставлять матеріалы для нашего «Развлеченія».

Вѣтеръ загналъ насъ въ море литературныхъ курьезовъ. Еще маленькій рейсъ по этому морю, — прежде нежели покинемъ его ласковыя воды.

«Калейдоскопическое разнообразіе, составленныхъ (редакціею) матеріаловъ, отчасти готовыхъ, отчасти подготавливаемыхъ къ печати, при томъ обязательномъ содѣйствіи, какое обѣщано ей нѣсколькими знакомыми ей любителями и любительницами воспитательной литературы, портфели которыхъ обилуютъ рукописными произведеніями, на доброе впечатлѣніе имѣвшими на юное общество, равно какъ безчисленное множество книгъ и журналовъ на иностранныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, польскомъ, шведскомъ и прусскомъ: вотъ основа того литературнаго капитала, который есть богатый фондъ будущаго періодическаго изданія *Калейдоскопа*, названнаго именно такъ по свойству своей радужной, пестрой характеристики, привлекательной для молодой впечатлительности.»

Каковъ островокъ на нашемъ морѣ?

Этотъ островокъ — чтобы долго васъ не мучить — есть выписка изъ «радужной, пестрой характеристики» будущей газеты-журнала для русскаго юношества, — отрывокъ изъ программы, имѣющей быть «привлекательною для молодой впечатлительности.»

(1) Стихотворенія Кольцова, изд. 3-е стр. 163.

И попробуйте-ка поискать мѣстечка.
(Окончаніе).

— Очень радъ, очень радъ. Но вы человекъ здоровый: вы найдете службу вездѣ.... Мнѣ бы хотѣлось, знаете, дать мѣсто и въ то же время сдѣлать доброе дѣло; — это мое правило.... Впрочемъ, я буду васъ имѣть въ виду....

— Очень радъ, очень радъ. Но вы, я вижу, человекъ большой.... А тутъ придется иногда и ночь не поспать и вездѣ присмотрѣть самому.... Впрочемъ, я буду васъ имѣть въ виду.

О русское юношество! о русскія дѣти! видно въ сорочкѣ вы родились, что такъ заботятся о вашемъ благополучіи! Какъ счастливъ редакторъ «Развлеченія», что у него есть дѣти, и какъ несчастливъ я, Не Я, фельетонистъ «Развлеченія», что у меня нѣтъ дѣтей! Ахъ, будь у меня теперь дѣти, первымъ дѣломъ моимъ было бы подписаться на *Калейдоскопъ*, газету-журналъ для русскаго юношества. Боги! да я, наконецъ, самъ бы хотѣлъ быть русскимъ юношествомъ! Какъ досадно, что издательница-*педофилка* (дѣтолюбка) спряталась въ свою скромность, какъ устрица въ раковину, и не хочетъ намъ сказать своего имени. О фіялка! Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за г. Окорочковымъ, я внесъ ее подъ буквою N. въ списокъ добровольныхъ соревнователей будущихъ успѣховъ «Развлеченія». Моя священная обязанность не только воздавать каждому должное, *suum cuique tribuere*, но и поощрять рождающійся талантъ. Меня выучили этому «Русская Газета» и одинъ почтенный Зритель. Аулусъ Гелліусъ, по инымъ Авль Геллій, въ своихъ *Noctes atticae*. говорить: «тотъ, кто...»

Но некогда, господа, некогда: я не *procul negotiis*...

Слѣдовало бы стати написать что-нибудь изъ послѣдняго историческаго романа Р. М. Зотова «Двѣ сестры или Смоленскъ въ 1812-мъ году», да я не знаю, читатель, согласитесь ли вы зимовать въ морѣ курьезовъ.

(Прочитавъ рекомендательное письмо). А, очень, очень радъ, что могу сдѣлать угодное для его сіятельства. Графъ васъ такъ любитъ, это видно — по его отзыву. Я увѣренъ, что вы оправдаете его рекомендацію и что.... мы поймемъ другъ друга....

...Въ бенефисъ г. Васильева, 16-го числа, дана въ первый разъ новая и еще ненапечатанная пьеса А. Н. Островскаго «Гроза», драма въ 5 дѣйствіяхъ.

Г. Островскій, какъ извѣстно, есть въ настоящее время единственный столбъ русскаго репертуара. Нельзя же предположить, чтобы драматическія музы считали жертвами, достойными себя, тѣ приношенія, которыя дѣлаютъ имъ на перебой сочинители обыкновенныхъ бенефисныхъ фарсовъ и переводчики-перекройщики французскихъ водевилей, болѣею частію не дающіе себѣ даже труда приготовиться къ приношеніямъ нѣкоторымъ обученіемъ себя русскаго грамотъ. Оттого-то, каждое новое произведеніе г. Островскаго есть вдвойнѣ подарокъ для русскаго театра.

Нынѣшняя пьеса нашего автора, по обыкновенію, воспроизводитъ бытъ, такъ хорошо знакомый ему: бытъ купечества и средняго класса. Мѣсто дѣйствія — какой бы ни было узвднй городокъ. Тема — деспотизмъ родительскаго начала въ купеческомъ семействѣ, который, по весьма естественной реакціи, и производитъ печальную драму. Она развита очень счастливо и варьирована, въ цѣломъ, съ большимъ тактомъ. Нѣкоторыя модуляціи обличаютъ въ авторѣ глубокое чувство положеній, имъ выведенныхъ; нѣкоторыя детали пьесы, какъ картины, принадлежатъ художнику. Какой-нибудь критикъ-специалистъ, вѣроятно, замѣтитъ автору, что въ его пьесѣ есть лишнія лица, не тяготящія къ общей идее: я, съ своей стороны, не почитаю себя вправе такъ строго судить капризы художника... Но странное и непріятное впечатлѣніе на слухъ, избалованный прежнимъ языкомъ комедій г. Островскаго, производитъ мѣстами языкъ «Грозы». Вообразите себѣ г. Садовскаго, въ роли узвднаго купца, говорящаго языкомъ комедій покойнаго Загоскина, которыя, какъ извѣстно, писались еще подъ влияніемъ разныхъ теорій краснорѣчія и съ оглядкою на шитнику Буало. Необъяснимое для меня нововведеніе со стороны г. Островскаго! Тѣмъ не менѣе, повторяю, «Гроза» въ цѣломъ заслуживаетъ болѣе нежели *un succès d'estime*.

Что касается до исполненія, оно дѣлаетъ несомнѣнную честь гг. Васильеву, Садовскому, Лепскому 2-му и господамъ Акимовой и Бороздиной, этой послѣдней въ особеннсти. Болѣе мы сказать не властны....
..... Участвовалъ въ бенефисѣ и г. Чернышевъ, любитель драматическаго искусства, котораго имя выставляется на афишѣ..... — будто какое чудо.

Постановка «Грозы» и особенно декорация купеческой комнаты, исполненная съ фламандскою точностію, приносятъ честь тѣмъ, отъ кого зависѣли эти распоряженія.

«Гроза» со дня бенефиса г. Васильева почти не сходитъ съ театральной афиши.

О новой пьесѣ кн. Г. В. Кугушева и нѣкоторыхъ другихъ новинкахъ театрального міра можетъ-быть въ другой разъ.

Но прочь мантію критика, о фельетонистъ! Вооружайся трещоткою коммерчага, и повѣстуй былинны, схваченныя палету вчера и сегодня.

Знаете ли что такое обѣдъ со жмурками?

Три филистера (говорятъ, три филистера: я такъ думаю, не три бурша ли?) являются въ какой бы ни было ресторанъ, требуютъ особую комнату и заказываютъ почти баснословный обѣдъ: Брилья-Саваренъ въ хорошемъ расположеніи духа, увѣряютъ меня, подписаль съ подъ картой свое имя. Обѣдъ истребленъ, и поданъ счетъ въ слишкомъ сто рублей. . . Одинъ изъ филистеровъ, вынувъ бумажникъ, хочетъ платить.

— Нѣтъ, говоритъ другой — я плачу.

— Я, вступается третій.

Споръ, горячій споръ, какъ у журналовъ по поводу заключенія съ П. И. Якушкинымъ.

Кому жъ платить?

— Мы сдѣлаемъ вотъ что, предлагаетъ одинъ изъ триумвировъ:—завяжемъ глаза *гарсону*, и заплотить тотъ, кого онъ поймаетъ.

Сказано, сдѣлано: *гарсонъ*, я догадываюсь, дважды невольный и необстрѣленный Митрофанушка съ береговъ Волги, Оки, или одного изъ ихъ притоковъ, подставляетъ свою бѣдную голову,—и начинаетъ ловить... Филистеры скрываются пестышно, какъ небожители въ древнихъ эпопеяхъ,—но входятъ, наконецъ, хозяинъ.

— Вамъ платить! восклицаетъ торжествующій *гарсонъ*, хватая за полу своего патрона.

Какъ патронъ заплатилъ *гарсону*, или какъ *гарсонъ* поплатился патрону, остается неизвѣстнымъ.

Въ другомъ ресторанъ, самомъ имепитомъ по Москвѣ — къ чему называть его?—сидятъ за столомъ двѣ браковки изъ табуна петербургскихъ камелей, положимъ Адель и Прозерпина. Входитъ одинъ изъ тѣхъ нашихъ тридцатилѣтнихъ юношей, вѣчныхъ Митрофанушекъ высшаго полета, которыхъ можно встрѣтить вездѣ, и которые, по совѣсти, никогда не въ состояніи сказать вамъ, зачѣмъ они попали туда, куда они попали. Ими имъ до сихъ поръ, увы! легионъ.

Слово за слово, вошедшій даетъ Прозерпинѣ самую неапокрифическую пощечину.

Руморъ въ залъ, *great sensation*. Присутствующіе джепльмены, по призванію своему паладины всѣхъ Аделей, Прозерпинъ, Пальмиръ и т. д., вступаются за честь обиженной: они же, большею частію, и пріятель делинквента.

— У меня съ собою 1,500 р. с., объясняетъ делинквентъ на французскомъ діалектѣ съ ошибками.—Что ты хочешь, Прозерпина, эти деньги или подарокъ?

— Мнѣ деньги за обиду?! возражаетъ Прозерпина.

И изъ ея рукъ летитъ огромный графинъ, разумѣется, адресованный въ оскорбителя. Но онъ сторопится. Графинъ попадаетъ въ Адель.

«*Me, me adsum qui feci...*» не восклицаетъ нашъ джепльменъ, а руморъ достигаетъ размѣровъ гомерическихъ:—

Француженки въ рѣшительныхъ случаяхъ не уступаютъ горломъ героямъ Илиады. Необходимость мира сознается всеми. Но вотъ что осложняетъ вопросъ: у виновника катастрофы не только не оказывается полуторы тысячи, но ни копѣйки. Къ счастью одинъ изъ присутствующихъ, новичекъ, считающій за честь быть въ столько-интересной компаніи, предлагаетъ принять на себя всѣ издержки войны. Наступаетъ великолѣпный ужинъ. Прозерпина получаетъ презентъ на счетъ великодушнаго миротворца,—и знамя трогательнаго согласія опять развѣвается надъ кагаломъ нашихъ Митрофанушекъ—этой *fleur des pois* сердечнаго альманаха именитыхъ рестораторовъ — и, молчите ужъ, ради Бога!—бонтоновыхъ гостинныхъ.

У Фрейтага, т. е. въ манежѣ, хотя не ему уже принадлежало, но по давности носящемъ его имя, началась музыка,—и оттого большіе съезды. На прошлой недѣль, въ субботу, зрители едва помѣщались за барьеромъ. Впрочемъ, это былъ съездъ экстраординарный, по случаю одного не совсемъ обыкновеннаго зрѣлища: два джепльмена изъ выше упомянутой *fleur des pois* верхомъ держали большое пари о томъ, кто кого первый ударитъ правою рукою по правому плечу. Законно, что всякому и всякой нужно было видѣть столь поучительный маневръ.

Но вотъ, кажется, и зима, господа, хоть покуда и скучится она на снѣгъ.

Я обновилъ зиму на *ванькѣ*, котораго портретъ можетъ-быть когда-нибудь представить вамъ мой почтенный другъ А. И. Чередьевъ. Право, стоитъ того. До тѣхъ поръ, нѣсколько взмаховъ моего бѣднаго пера объ этомъ *ванькѣ*.

Только что вышелъ я изъ дому, помнится наканунѣ Введенія, *ванька*:

— Не довезъ ли?

Я съѣлъ. Конецъ предстоялъ довольно большой.

По моему обыкновенію, я вступилъ въ разговоръ съ моимъ возницей. Онъ засыпалъ меня своимъ умомъ. Живая, хлесткая рѣчь урожденца Павловской слободы (гдѣ некогда была казенная лосипная фабрика) лилась свободно, сверкая самоцвѣтами. И это былъ мальчикъ лѣтъ 14-ти — изъ лица бѣлокурый красавчикъ, котораго бы давно изобразилъ Бушэ, еслибы онъ видѣлъ хоть во снѣ это глубокое выраженіе русской сметливости, какое видѣлъ я на яву—въ глазахъ моего *ваньки*. Но почему жъ его не хотятъ видѣть наши живописцы изъ-за непасытной страсти къ Пенелопамъ, мѣднымъ зміямъ, вахшакамъ — и баталіямъ?

Мы возвращались отъ цѣли моей поѣздки—пошелъ снѣжокъ.

— Эка погода-то, слава тебѣ, Господи, спорая, замѣтилъ мой *ванька*.—Зима, значить, будетъ настоящая.

— А тебѣ хочется зимы?

— Какъ-же. Гляди, какъ станетъ моя пѣгая рабствовать, и-и-и! Поѣду я, вихрь завывитъ!

. . . Рабствуетъ по прежнему и фельетонистъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», и оттого почитаетъ долгомъ сердиться на «Развлеченіе». Бѣдный! какъ жалко его. Сердиться ему вельно, а силы-то нѣтъ. Господа фельетонисты, какъ бы общими силами помочь убогому собрату? Подписка принимается въ редакціи «Развлеченія».

Не Я.

Редакторъ *Ө. Миллеръ*.